

Частотные устойчивые словосочетания в «Старшей Ливонской Рифмованной хронике»: структура и вариативность

Е. С. Тихонова✉

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия*

✉middjungards@gmail.com

Введение. В статье анализируется структура и вариативность устойчивых словосочетаний, представленных в «Старшей Ливонской Рифмованной хронике». Во введении освещаются историографические исследования данного источника и отмечается его недостаточная изученность с точки зрения исторической поэтики, чем и объясняется актуальность и научная новизна настоящего исследования.

Методология и источники. Материалом исследования служит «Старшая Ливонская Рифмованная хроника» (СРХ). Затрагиваются вопросы ее авторства и точки зрения разных ученых на роль устойчивых словосочетаний в данном произведении. Влияние куртуазного эпоса и его стилистических средств, а также В. фон Эшенбаха признается всеми исследователями, хотя и по-разному оценивается. В то же время подчеркивается письменный характер хроники.

Результаты и обсуждение. В результатах исследования рассматриваются наиболее частотные модели устойчивых словосочетаний с точки зрения их воспроизводимости, устойчивости, вариативности и структурообразующей роли в тексте. Учитывается положение, занимаемое устойчивым словосочетанием в тексте и в строке, его конечная рифма, лексическое наполнение каждой реализации модели, а сами модели описываются как логико-синтаксические схемы. Представленные модели проиллюстрированы 32 примерами.

Обсуждение посвящено обобщению исследования и подведению итогов. Делается вывод о том, что, с одной стороны, проанализированные модели репрезентированы достаточным количеством примеров, чтобы говорить об их регулярной воспроизводимости. С другой стороны, многие устойчивые словосочетания используются исключительно для рифмы или для заполнения строки. Отмечается значительная вариативность как лексического наполнения рассматриваемых моделей, так и их структуры, а также регулярные повторы стабильных устойчивых словосочетаний в пределах небольшого отрывка текста.

Заключение. В заключении отмечается, что изучение стилистических особенностей и структуры СРХ позволяет приблизиться к пониманию ее места в литературе Немецкого ордена в частности и в литературе средневерхненемецкого периода в целом.

Ключевые слова: средневерхненемецкий, «Старшая Ливонская Рифмованная хроника», Немецкий орден, языковая стереотипия, устойчивые словосочетания, историческая поэтика.

Для цитирования: Тихонова Е. С. Частотные устойчивые словосочетания в «Старшей Ливонской Рифмованной хронике»: структура и вариативность // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 1. С. 125–139. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-1-125-139

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 26.10.2020; принята после рецензирования 11.12.2020; опубликована онлайн 25.02.2021

Frequent Fixed Collocations in the “Livonian Rhymed Chronicle”: Structure and Variety

Elena S. Tikhonova✉

Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

✉middjungards@gmail.com

Introduction. The article considers the structure and variety of fixed collocations in the “Livonian Rhymed Chronicle”. Introduction explores historiographical researches on this source and states a lack of studies from historical poetics’ point of view.

Methodology and sources. Material for the research is the “Livonian Rhymed Chronicle”. Issues on its authorship and different opinions on the role of fixed collocations in the Chronicle are discussed. All researchers agree that the influence of courtly epics is unmistakable but also that of W. von Eschenbach. However, the evaluation of this influence varies from research to research.

Results and discussion. The research’s results represent the most frequent models of fixed collocations in respect to their reproducibility, variation and structuring role in the text. Position of a collocation in the text and in line, its rhyme and lexical composition of each model are considered. The models are described as logical-syntactic schemes. The analyzed models are illustrated by 32 examples.

Discussion is devoted to summarizing the investigation and reviewing the results. A conclusion is drawn that the analyzed models are represented richly enough to speak of their regular reproducibility, but many fixed collocations are used just for rhyme or to fit in the line. High variety of discussed models’ lexical composition and of their structure is stated, but also regular iteration of stable collocations within a relatively short passage.

Conclusion. The conclusion highlights that the study of the Chronicle’s stylistic features allows to understand its place in the German order’s literature and in the literature of the Middle High German period.

Key words: Middle High German, “Livonian Rhymed Chronicle”, Teutonic Order, language stereotypes, fixed collocations, historical poetics.

For citation: Tikhonova E. S. Frequent Fixed Collocations in the “Livonian Rhymed Chronicle”: Structure and Variety. DISCOURSE. 2021, vol. 7, no. 1, pp. 125–139. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-1-125-139 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 26.10.2020; adopted after review 11.12.2020; published online 25.02.2021

Введение. Целью настоящей статьи является исследование устойчивых словосочетаний (далее – УС) в «Старшей Ливонской Рифмованной хронике» (далее – СРХ). Анализу подвергались наиболее распространенные модели УС и их способность к варьированию внутри данных моделей.

СРХ в отечественной науке рассматривалась в первую очередь как исторический источник ([1–4]), полный перевод хроники на русский язык отсутствует, переведены лишь фрагменты, содержащие релевантные для русской истории моменты: так, СРХ – самый ранний и основной западноевропейский источник, описывающий Ледовое побоище

[5, с. 197–198]. Исследование языка и стилистических особенностей СРХ осуществлялось в основном зарубежными исследователями ([6–11] и др.).

В то же время данное произведение представляет собой интерес в силу своего жанра и стиля именно с точки зрения исторической поэтики: это, как следует из названия, рифмованная хроника, но ее автор вдохновлялся книжным эпосом, с которым был хорошо знаком. Этим обусловлено частое использование в СРХ формульных выражений и УС, для которых характерно относительное единство структуры и вариативность лексического наполнения. Подробный анализ УС в данном тексте – уже не эпическом, но находящемся под влиянием эпоса – с точки зрения их структуры, а также устойчивости и вариативности до сих пор не осуществлялся, чем и обуславливается научная новизна и актуальность данного исследования. Такой анализ позволит приблизиться к пониманию функционирования и варьирования УС в рамках средневековой письменной традиции.

Методология и источники. СРХ – анонимный стихотворный памятник конца XIII в., воспевающий деятельность Немецкого ордена в Прибалтике с 1143 по 1290 гг. Хроника состоит из 12 017 строк, составлена около 1290 г. и сохранилась в двух рукописях: рижской (середина XIV в.; считается пропавшей) и гейдельбергской (XV в.). Ее язык определяют как восточносредненемецкий диалект с примесью нижненемецкого [12, с. 855].

Двумя вопросами, поднимавшимися с самого начала изучения СРХ, были ее авторство и литературный талант автора. Изначально авторство приписывали Дитлебу фон Альнпекке, но позже эта атрибуция была признана подделкой XVII в. [12, с. 855]. Гораздо важнее, кем был автор: клериком [13] или рыцарем, возможно, непосредственным участником части описываемых в СРХ событий [7, 10].

Практически все исследователи придерживаются мнения, что автор СРХ в значительной мере ориентировался на книжный, или куртуазный эпос (*höfisches Epos*, *Buchespos*), но был не очень искусен и плохо сумел использовать его изобразительные средства ([2, 6–8, 12, 13] и др.). Пожалуй, лишь Л. А. Арбузов однозначно называет талант автора «довольно выдающимся» [1, с. 131], а В. Браунс признает за автором «поразительную свежесть» в диалогах [8, с. 964].

Согласно наиболее радикальной точке зрения, которую представляли Х. Куглер и Ф. Й. Моне, огромным было влияние даже не куртуазного эпоса, а изначально устного эпоса – в частности, «Песни о Нибелунгах». Так, по их мнению, топоним *Nieflant* (Ливония) – это аллюзия на *Nibelungenlant* (страну Нибелунгов), а этноним *rûsen* (русские) следует трактовать как *risen* (великаны) [11, с. 94–95]. Также и А. Мюррей указывал на существенную архаичность и консервативность лексикона СРХ, аргументируя это преобладанием лексемы *helt* (герой) над *ritter* (рыцарь) [10, с. 247].

Под поэтическим мастерством автора СРХ зачастую понимают именно то, как он сумел применить в своем произведении формулы и УС, в изобилии представленные в данном памятнике.

К. Хельм и В. Цизмер отмечают начитанность и эрудированность автора СРХ в области литературы, в частности куртуазной и эпической, однако называют его «невеликим поэтом» («kein großer Künstler») и, скорее, хронистом, чем поэтом [7, с. 149].

Наиболее категорично высказывался советско-латышский исследователь Я. Зутис, который рассматривал «постоянное употребление ходульных литературных выражений и

высокопарных трескучих фраз» как явный недостаток, а автора СРХ прямо называл «бездарным поэтом» [2, с. 20].

У. Арнольд пишет, что стиль характеризуется формулами («ist formelhaft geprägt») и находится в том числе в традиции героического эпоса, отличия от которого обусловлены материалом. Не в последнюю очередь обрамление отдельных частей СРХ формулами и создает впечатление осознанно созданного целого [12, с. 860].

М. Фишер отмечает, что влияние эпической поэзии наиболее очевидно в описании боевых действий и армий, при описании вооружения и т. п. [9, с. 179]. Все это – типичные для эпоса случаи употребления формул и постоянных эпитетов.

По указанию А. Мюррея, в СРХ есть формульные выражения и образы, однако многие из них не принадлежат к какому-либо одному стилю, а просто создают связь, необходимую рифму и даже «льют воду» [10, с. 245].

В целом критикуя А. Мюррея и подчеркивая, что СРХ – это не устная поэзия и что СРХ не мимикрирует под нее, М. Нееке, однако, указывает, что наличие формул – это способ отражения реальности, а не только и не столько признак поэтического бессилия, которое предполагал Э. Штайнмайер. М. Нееке также призывал рассматривать СРХ именно с точки зрения устной поэзии и «стиля формул» [11, с. 92–93]. Формулы, указывает он, к этому времени однозначно принадлежат письменной культуре, которая в СРХ явственно подчеркивается [11, с. 93]. Они также являются унифицирующим моментом СРХ [17, с. 99].

Таким образом, все исследователи сходятся в том, что формулы и УС пришли в СРХ из книжного эпоса, и при этом они связаны с письменной культурой. Но к моменту создания СРХ они уже использовались как необходимый признак стиля: для рифмы или для заполнения лакун.

Формулы и УС обладают определенной вариативностью. Повторяющиеся УС понимаются в настоящей работе как «продуктивные модели» – многократно воспроизводимые в рамках данной традиции «проекции некоего стереотипного смысла на типовую синтаксическую структуру» [14, с. 307]. «Такие модели допускают внутреннее лексическое и грамматическое варьирование отдельных компонентов и, таким образом, остаются продуктивными функциональными единицами языка традиции» [14, с. 307–308].

Далее наиболее распространенные в СРХ модели УС рассматриваются с точки зрения их воспроизводимости, устойчивости и вариативности, а также структурообразующей роли в тексте. Для этого анализируются сегменты текста – сверхфразовые единства – содержащие данные УС: отмечается положение, занимаемое УС в каждом сегменте и в строке, его конечная рифма, лексическое наполнение каждой реализации модели, а сами модели описываются как логико-синтаксические схемы.

Результаты и обсуждение. 1. Наиболее распространенной в СРХ моделью является УС, содержащее наречие *vrô/unvrô* (рад/не рад) и сообщение о положительной или отрицательной эмоциональной реакции: $S + V_{cop} (WERDEN / \hat{S}IN) + OGen + Praed_{Adv} (VR\hat{O})$: *X wurde/war Gen. vrô* (также с инвертированным порядком слов *Gen. wurde/war X vrô*). Она представлена 196 примерами. Эта модель обладает некоторой структурной вариативностью элементов.

1.1. Как правило, данное УС занимает всю строку целиком и часто является отдельным законченным предложением, а наречие *vrô* находится в конце строки и рифмуется с концовкой предыдущей или последующей строки, регулярно – с наречием *dô* (тогда) (см. также пример 3):

(1) *daz vorkouften sie aldar // ein teil baz denne anderswar; // des wurden sie von herzen vrô.*
// die heiden sprâchen zû in dô... (185–188) – Его [товар] они продали там, часть – лучше, чем в других местах; этому они от всего сердца радовались. Язычники тогда сказали им...¹

Однако данное УС может быть и частью придаточного предложения:

(2) *dâ wart offen schîn, // daz sie des meisteres wâren vrô.* (4418–19) – Тут стало явно видно, что они были рады магистру.

Еще в одном варианте данного УС подлежащее может находиться на предыдущей строке и быть отделено от сказуемого и от лексического выражения причины эмоциональной реакции другими лексемами:

(3) *die andern gâben gîsel dô // dem meistere und wâren vrô, // daz man sô gûtlich sie ent-*
pfienç. (2419–21) – Другие тогда дали заложников и были рады, что их так хорошо приняли.

В большинстве случаев обозначение причины радости в данном УС, стоящее в генитиве, выражается указательным местоимением, соотносимым с предыдущим действием (67 реализаций, примеры 1, 12, 13). Практически в одинаковом числе случаев оно эксплицитно выражено существительным (52 реализации, пример 8) или же вовсе отсутствует (56 реализаций, пример 4). Указание на причину посредством придаточного подлежащего предложения наименее характерно (15 реализаций, пример 5):

(4) *got gab den sînen dâ den prîs. // die cristen wâren alle vrô; // zû lande kêrten sie sich dô.* (1838–40) – Господь тогда вознаградил своих. Все христиане были рады. Тогда они вернулись в [свои] земли.

(5) *herre, wir sin vrô, // daz ûch got hât er gesant.* (5212–13) – Господин, мы рады, что Господь прислал вас ранее.

В 25 случаях сообщается о негативной эмоциональной реакции с помощью наречия *unvrô* (не рад). В 3 из этих примеров генитива нет, в 2 примерах вместо него используется предложная конструкция с дативом или аккузативом:

(6) *des wart der brûder her unvrô.* (7984) – От этого войско братьев опечалилось.

(7) *die cristen wurden alle dô // von deme strîte gar unvrô.* (6095–96) – Христиане тогда опечалились от этого боя.

1.2. Для эксплицитного наименования причины/повода для положительной или отрицательной реакции могут использоваться следующие **существительные в генитиве**: *der mære* (известию) (10 примеров, в том числе 2 раза с определением *der gûten mære* (доброй вести)), *der kumfte* (прибытию) (8 примеров); *der reise* (поездке) (6 примеров); *des râtes* (совету) (6 примеров), *der rede* (речи) (5 примеров), *der geste* (гостям) (3 примера, в том числе с определением), *der verte* (поездке) (2 примера), *der warnunge* (предупреждению) (2 примера), *des trôstes* (утешению) (3 примера). Также по одному примеру каждый представлены следующие генитивные объекты: *gotes êre* (почитанию Господа), *der crône* (ко-

¹ Здесь и далее все цитаты из источника приводятся по изданию Л. Майера [15]. Цифры в круглых скобках после примера обозначают номера строк. Подстрочный перевод всех примеров выполнен автором статьи.

роне), *des meisters* (магистру), *des vrides* (миру), *des hères und der brüdere* (войску и братьям), *der brüdere* (братьям), *des huses* (дому), *der bête* (молитве), *ires gûten willen* (их доброй воле), *der armbruste* (арбалетам), *des lones* (награде), *irs krîges* (их войне). Таким образом, чаще всего в рассматриваемых УС речь идет о каком-то вербальном действии (известие, речь, совет) или поездке/походе (весь текст СРХ очень динамичен, в нем регулярно упоминаются движение и перемещение). В общей сложности эксплицитная номинация причины эмоциональной реакции представлена 52 примерами, что составляет около 1/4 всех примеров с данным УС:

(8) *er hatte nâch bischove Heinrîch // hin zu Prûzen lant // sînen boten vor gesant. // der bischof wart der mære vrô; // zû Rîge an den meister dô // quam er vrôlich geriten.* (3548–53) – Он отправил своих послов в Пруссию за епископом Генрихом. Епископ был рад этому известию. Тогда он радостно приехал в Ригу к магистру.

Также в УС может содержаться качественная характеристика наречия *vrô*, подчеркивающая меру эмоционального состояния: *von herzen* (от всего сердца) (18 примеров), *(zu) mâzen* (весьма) (4 примера), *vil* (очень) (5 примеров), *harte* (очень); *gar* (вовсе) (4 примера с *unvrô*) – всего такая характеристика встречается 30 раз (см. примеры 1 и 7).

В 4 случаях *vrô* находится в середине строки, а не в конце и, соответственно, не рифмуется. В двух из этих примеров, расположенных в тексте довольно близко друг к другу, в качестве причины радости эксплицитно называется *der vart* (поездка) и *der hervart* (возвращение). Несмотря на наличие всех формальных элементов, скорее всего, подобные сочетания нельзя рассматривать как варианты данной модели, поскольку в данном случае варьируется не только лексическое содержание, но и сама структура:

(9) *er kârte kein der Mimele wart, // daz er was allez vrô der vart.* (3630–31) – Он вернулся к форпосту Мемеля, так что он все время был рад поездке.

Почти дословные вариации данного УС встречаются в близко расположенных строках; всего в тексте представлено 11 таких случаев. Создается впечатление, что автор СРХ как бы вспоминал какую-то конструкцию или УС и использовал ее несколько раз подряд «в одних и тех же метрических условиях» [16, с. 80].

1.3. **Глагол-сказуемое** *sîn* или *werden* в рассматриваемых УС, как правило, стоит в претерите индикатива, но в косвенной и прямой речи возможен претерит конъюнктив (10) и даже презенс конъюнктив (11):

(10) *der brüdere botschaft was alsô: // die von Nieflant wêren vrô, // daz man einen meister dar // und brüdere sente, daz ist wâr.* (10791–94) – Послание братьев было таково: те [кто] в Ливонии были рады, что туда послали магистра с братьями, это правда.

(11) *sine mæge wol mit sinnen // antwurten im der rede dô: // “der verte sie wir alle vrô”.* (2890–92) – Его родственники с чувством ответили ему тогда на эту речь: «Походу мы все были бы рады».

При использовании данного УС в прямой речи действие также может быть направлено в будущее за счет модального глагола *woln* или *suln* (12) либо составного глагольного сказуемого с *werden* (13):

(12) *der herre von Rûwen sprach alsô: // des sult ir wesen gerne vrô* (9633–34) – Господин фон Рувен сказал так: «Этому вы должны охотно радоваться».

(13) *er sprach: ich wil sie trôsten sô, // daz sie des alle werden vrô.* (10799–10800) – Он сказал: «Я хочу утешить их так, чтобы они все от этого возрадовались».

2. 107 примерами представлен **авторский комментарий о неких обстоятельствах со ссылкой на авторитет**. Данные примеры можно разделить на две большие группы: в первой – более многочисленной – глаголы-сказуемые *hören* и *vernemen* (слышать) стоят в действительном залоге, и есть подлежащее-агенса, а во второй глагол стоит в пассиве (*ist genant/bekant/geseit/verjehen/gelesen*). Внутри этих групп можно выделить следующие модели.

2.1. Модель *ALS + PRO_{pers} (ICH) + OAkk + Circ_{temp} + V_{fin} (LESEN)* либо *ALS + PRO_{pers} (ICH / IR) + OAkk + V_{cop} + Circ_{temp} + PraedPartII (GELESEN / VERNOMEN)*: *als ich (ez) ê/itzunt/vor las/habe vernomen*. Данная модель характеризуется наличием союза *als* и глагола-сказуемого в претерите или перфекте, причем для глагола *lesen* (читать) более характерно употребление в претерите (21 пример против 6 в перфекте) (14), а для глагола *vernemen* (слышать) – почти исключительно в перфекте (35 примеров против 1 в претерите). Однако, если при глаголе *lesen* в качестве подлежащего выступает только местоимение 1 л. ед. ч. *ich*, то при глаголе *vernemen* личное местоимение 2 л. мн. ч. *ir* в качестве подлежащего представлено в половине случаев (15). По одному примеру встречается употребление глаголов говорения *sagen* и *verjehen* (говорить) в перфекте (16). Как видно из примеров, они являются практически взаимозаменяемыми и структурно выполняют одну и ту же функцию – ссылку на предшествующий текст либо акт говорения или восприятия. Как правило, подобные УС занимают менее одной строки:

(14) *daz her gentzlichen quam // bie den hagen, der dâ was // gewonnen, als ich itzunt las*. (6240–42) – Все войско пришло к укреплению, которое было захвачено, как я только что прочитал.

(15) *dô daz her was allez komen zu Rîge, // als ir habt vernomen, // der meister wart des liebes kranc*. (6800–02) – Когда все войско подошло к Риге, как вы слышали, магистр телом заболел.

(16) *daz waz Myndowen sune ein tugent, // die er begienc in sîner jugent, // daz er sô grôzer erbarmkeit // an die cristen hatte geleit, // als ich ûch nû hân verjehen*. (7169–73) – Это было добродетелью сына Миндовга, которую он проявил в своей юности, что он столь большое милосердие проявлял к христианам, как я вам сейчас рассказал.

Также одним примером представлено сочетание *als man ûch ê las* (как вам прежде прочитали), по размеру и структуре совпадающее с данной моделью, но при этом подлежащее выражено не личным местоимением в 1 л. ед. ч., а безличным местоимением *man*:

(17) *den hatte des meisters her geslagen // binnen des, dô irgangen was // zû Rîge, als man ûch ê las*; (3116–18) – Его разбило войско магистра во время того, что произошло в Риге, как вам прежде прочитали.

Структурная вариативность наблюдается и в следующих трех примерах (2 из которых находятся в близкорасположенных строках 9831 и 9849), где местоименное наречие разделено подлежащим: *dâ/dô ich von las*. Поскольку они не противоречат метрической структуре и в остальном совпадают с указанной моделью, вероятно, здесь можно говорить о ее вариации:

(18) *al die wîle hette besant // der kummentûr, dô ich von las, // der zû Aschrâten was, // sîne boten ûf daz lant*. (9830–33) – Все время посылал комтур – о чем я читал, – который был в Ашрадене, своих гонцов в землю.

2.1.1. В шести примерах глагол восприятия вместе с глаголом говорения входит в конструкцию *accusativus cum infinitivo*: *als ich/wir hören jehen/sagen*. В одном из них происходит смена говорящего и слушающего: *als ir mich hörtet sagen*:

(19) *die Kûren, als ich hörte jehen, // sie liezen sich mit trûwen sehen* (4181–82) – Курши, как я слышал, воистину показали себя.

(20) *Dô er Eilart hatte geslagen // die heiden, als ir mich hörtet sagen, // dô er in was gerennet nâch, // im was zû den brûderen gach*. (8453–56) – Когда господин Эйльарт разбил язычников, как я вам рассказал, тогда он погнался за ними, он торопился к братьям.

Предполагаемым источником авторских вставок такого рода является творчество Вольфрама фон Эшенбаха и в особенности его «Парцифаль», где подобные вставные реплики, которые Э. Нельман называл «односторонним диалогом» фиктивного автора [17, с. 43], встречаются постоянно. На влияние Вольфрама на стиль СРХ указывали многие исследователи [7–9, 12]. Так, К. Хельм и В. Циземер отмечают, что «влияние Вольфрама нельзя не заметить» [7, с. 149], а по мнению М. Фишер, это одна из основных характеристик СРХ [9, с. 179].

Как и у Вольфрама, авторские вставки-комментарии часто характеризуются сменой грамматического времени с времен прошедшего на презенс. Таким образом действие, которое протекает в прошедшем, переносится в реальность автора и реципиента [18, с. 218].

Другим источником подобного рода вставных комментариев мог быть куртуазный эпос, позаимствовавший их из стадияльно предшествовавшего ему героического эпоса. Впрочем, о полной аналогии говорить не приходится: исходно формула *I/we learned/heard of smth* служила исключительно для ввода нового эпизода, и реципиенты всегда распознавали ее как стилистический маркер переключения действия [19, с. 116–117]. В случае же с СРХ это не всегда так: рассмотренные УС часто служат лишь для сохранения размера и рифмы.

2.2. Модель с глаголом-сказуемым в пассиве (в том числе пассиве состояния) представлена 17 примерами: *OAKk + Vfinpass (SĪN) + Pronompers (ODat) + PraedPartII: X ist ûch geseit/verjehen/gelesen/genant/genennet* (пример 21) или – с союзом – *ALS + Pronompers (ODat) + Vfinpass (SĪN) + PraedPartII: als ûch wirt/ist bekant* (пример 22). В абсолютном большинстве случаев употреблено местоимение 2 л. мн. ч. *ûch*, однако двумя примерами представлено местоимение 1 л. ед. ч. (*X ist mir bekant*; пример 23) и одним – 1 л. мн. ч. *uns ist kunt*.

(21) *Ez ist hie vor wol beschriben // waz got mit in hât getriben. // war von man sie loben sol // und mit vîre êret wol // in der reinen cristenheit // daz ist ûch dicke wol geseit; // dâ von mûz ich der rede dâgen*. (83–89) – Здесь, пожалуй, хорошо описано, что Господь сделал с ними. За это их стоит хвалить, и их почитают праздниками среди чистых христиан. Это вам часто рассказывали; об этом я должен молчать.

(22) *Myndowen was liebes vil geschehen, // als ûch hie vor ist verjehen; // des hatte er gar vergezzen*. (6587–89) – С Миндовгом случилось много хорошего, как вам прежде здесь рассказано: об этом он совсем забыл.

(23) *sie guzzen beider wege ir blût, // daz tâten sie ouch in Nieflant. // die mère sint mir wol bekant*. (2702–04) – Они проливали кровь с обеих сторон, это они делали также и в Ливонии. Эти известия мне хорошо известны.

2.2.1. Пять комментариев, построенных по данной модели, содержат лексему *daz bûch* (книга), на которую ссылается автор:

(24) *Meister Ernst, daz ist wâr, // der hatte gerâten sechs jâr. // nicht lanc dar nâch wart er erslagen, // als ir daz bûch hôret sagen.* (8511–14) – Магистр Эрнст – это правда – правил шесть лет. Вскоре после этого он был убит, как поведала вам книга.

Д. Г. Грин подчеркивает, что в средневековом дискурсе такого рода отсылки к письменному источнику были синонимом истинности утверждения, представления о чем восходят к авторитету церковной литературы [20, с. 69]. Впрочем, разные исследователи занимают разные позиции в отношении «правдивости» подобных упоминаний «книги».

М. Нееке рассматривает подобные УС как отсылку к этому же тексту (т. е. *daz bûch* – это сама СРХ) [11, с. 93]. Он отмечает, что для придворной литературы формулы – признак письменной традиции, и ссылка на «книгу» в XIII в. регулярно происходит именно в виде формулы. Согласно М. Нееке, лексемы *bûch* и *lesen* в СРХ однозначно указывают именно на письменный характер ее источников [11, с. 94].

Согласно А. Мюррею, УС с глаголом *lesen* (читать) – отсылка к гипотетическому письменному источнику, а УС с *vernemen* (слышать) – к устному, т. е. к рассказам очевидцев [10, с. 237]. Мюррей также постулировал существование некой протохроники, которая позже была включена в текст СРХ [10, с. 249].

Такой дистрибуции, однако, противоречит анализ, проведенный в настоящем исследовании: едва ли можно говорить о последовательном использовании семантики сказуемого для указания на способ получения информации. В большинстве примеров существительное *bûch* сочетается именно с глаголами устного восприятия (*vernemen*, *hören* (слышать)), а глагол *lesen* (читать) представлен значительно меньшим числом реализаций. Более того, обилие глаголов устного восприятия может указывать на способ воспроизведения и восприятия СРХ: предположительно, ее зачитывали рыцарям Немецкого ордена во время трапезы [7, с. 29; 9, с. 173].

3. С авторским комментарием-ссылкой на источник сближаются представленные в общей сложности 57 примерами **авторские комментарии о готовности или нежелании продолжать повествование**. Подобные УС употребляются для того, чтобы соблюсти размер, это своего рода предложение-вставка, парентеза, занимающая одну строку. В принципе, они близки предыдущей группе УС, но их отличает обязательное наличие сказуемого, выраженного модальным глаголом, которое передает отношение автора к высказыванию и его интенцию продолжать или не продолжать рассказ. На этом основании такие УС выделяется как самостоятельный тип, внутри которого можно вычленил следующие модели.

3.1. Модель, содержащая вопрос с вопросительным словом, представлена 16 примерами: *WAZ + Vfin_{modal} + S (ICH) + Pronom_{pers} (ODat) + Praed_{inf} + Circ_{mod} (MÊR): *waz sal ich (ûch) da von sagen mê?* Сказуемое в этих УС выражено сочетанием модального глагола *suln* (12 примеров) или *mügen* (4 примера) с глаголами говорения *sprechen* и *sagen* (говорить, сказать), в 1 примере – с глаголом *gelesen* (прочитать). Во всех таких предложениях подлежащим является местоимение 1 л. ед. ч. *ich*, выраженное эксплицитно (25), кроме одного безличного предложения, смысловой глагол в котором стоит в форме пассива: *Waz sal ûch mêr da von gesaget?* Наречие *mê(r)* в большинстве случаев находится в предложении на последнем месте и рифмуется с финалью предыдущей или следующей строки:*

(25) *daz hûs sie bûweten zû hant, // daz der brudere was gewesen, // als ich vor hân gelesen, // und triben daz urlouge als êr. // waz sal ich dâ von sagen mêr? // dô man daz zû Rîge vernam...* (8758–63) – Они быстро построили дом, который принадлежал братьям, как я читал прежде, и продолжали сражаться, как раньше. Что мне еще об этом рассказать? Когда в Риге слышали об этом...

3.2. 15 примерами представлена модель – придаточное подлежащее предложение, вводимое союзом *als* «как»: *ALS* + *S (ICH)* + *Pronom_{pers} (ODat)* + *Praed_{inf}* + *Vfin_{mod}*: *als ich (ûch) (nû) sagen sol*. В качестве глаголов-сказуемых в этой модели выступают модальные глаголы *soln*, редко – *weln* (4 примера) или *mügen* (1 пример) с инфинитивом глагола говорения *sagen* (1 раз – с *verjehen*):

(26) *daz wart in gewert sider // mit gotes hulfe vil wol, // als ich ûch nû sagen sol*. (11830–32) – Это было им с тех пор с Божьей помощью предоставлено, как я сейчас вам должен сказать.

3.3. В 9 примерах реализована модель, представляющая собой повествовательное предложение с модальным глаголом и глагольной конструкцией с пассивным значением *bekant machen/tun* (делать известным): *Circ_{temp}* + *Vfin_{mod}* + *S (ICH)* + *Pronom_{pers} (ODat)* + *Praed_{inf}* + *Praed_{Attr} (BEKANT)*. За подобным УС почти во всех случаях следует придаточное объектное предложение, вводимое с помощью союзов *wie* (как), *waz* (что), либо придаточное времени с союзом *dô* (когда) или места с союзом *wâr* (где). Следует отметить, что почти половина УС данного типа (4 из 9) приходится на отрывок в 100 строк:

(27) *in grôzeme smertzen reit er dô // gegen der Mytowe unvrô. // nû wil ich machen ûch bekant, // wie ez den brûderen gienc in hant, // die in dem walde bliben dort, // als ir vor habt gehôrt*. (7479–84) – С большой болью он печально поехал тогда к Митаве. Теперь я хочу рассказать вам, каково в это время было братьям, которые остались там в лесу, как вы слышали прежде.

3.4. В 3 примерах в утвердительной форме сообщается о намерении продолжить рассказ, для чего используются глагол-сказуемое *vort/vorder sagen* и модальный глагол *weln* (хотеть):

(28) *wie ouch ir aller name sie, // sô mûze sie got trôsten dort. // nû wil ich aber sagen vort*. // *wer von der nôte dô entquam, ...* (7336–39) – Как бы их всех ни звали, пусть Господь их утешит. Но теперь я хочу продолжить. Кто тогда спасся от беды...

3.5. В 5 примерах, напротив, сообщается о нежелании автора продолжать рассказ об освещенных перед этим событиях: *NICHT* + *Circ_{mod} (MÊR)* + *S (ICH)* + *Praed_{inf}* + *Vfin_{mod}*: *nicht mê(r) ich da von sprechen wil/sol*. Подобные УС встречаются в конце смыслового отрывка, посвященного какому-то одному событию. Это единственная из рассмотренных моделей, после которой происходит переключение действия на следующий сюжет:

(29) *die burc ist rich von gûte // und stêt in grozer hûte. // sie ist gebûwet vor daz lant, // daz dâ Jerwen ist genant. // sie spîset andere burge vil. // nicht mêr ich dâ von sprechen wil*. // *Der meister von Nieflant, ...* (7521–27) – Замок богат товарами и стоит в безопасности. Он построен перед страной, которая называется Ервен. Он кормит много других замков. Больше я не хочу об этом говорить. Магистр Ливонии...

Наличие в данном примере переключения действия после УС подтверждается тем, что в рукописи последняя строка этого отрывка выделена инициалом. Л. Майер в своем издании также следует рукописи, и у него строка 7527 начинается новый раздел [15, с. 173].

4. Нельзя не упомянуть еще один регулярно повторяющийся элемент в СРХ – сочетания существительных-обозначений воинов с **украшающими эпитетами**, в первую очередь такими, как *vrom* (благочестивый), *balt* (храбрый), *unverzaget* (бесстрашный), *rasch* (быстрый) и некоторыми другими – в общей сложности 53 реализации. Исходя из числа примеров, о постоянных эпитетах и об определенной устойчивости можно говорить применительно к наиболее частотным сочетаниям: *vromer helt* (благочестивый герой) (11 примеров), *helt/degen balt* (храбрый герой/витязь) (10 примеров, в 8 из них также встречается местоимение *manich* (некоторый, несколько)), *helt unverzaget* (бесстрашный герой) (7 примеров) и *rasche helde* (быстрые герои) (6 примеров, в 3 из них встречается местоимение *manich*).

Следует отметить, что значительной вариативностью в сочетаемости с эпитетами в СРХ обладает существительное *helt* (герой): оно встречается с эпитетами (*ûz*)*erlesen* (избранный) (4 примера), *risch* (быстрый) (2 примера), *vermezzzen* (отважный) (2 примера), *stoltz* (гордый) (2 примера), *zur nôt* (в нужде) (2 примера), *unverdrozzzen* (неутомимый) (1 пример) и *êrlîch* (честный) (1 пример). В некоторых случаях встречается сочетание нескольких эпитетов при одном существительном: *ein vromer helt zur nôt* (благочестивый герой в беде); *ein helt kûne (rasch) und ûz erkorn (ûz erwelt)* (храбрый и избранный герой) (3 примера). Часто эпитеты имеют при себе местоимение *manich* (некоторый, несколько), указывающее на неопределенное множество характеризуемых лиц:

(30) *Dar nâch wart ein vromer helt // zû dûtschen landen ûz irwelt* (2299–30) – Затем в немецких землях был избран благочестивый герой.

(31) *sie brâchten manchen degen balt // gegen in in Kûrlant* (2614–15) – Они привели много храбрых витязей против них в Курляндию.

(32) *er hiez von Katzenellenbogen // und was hubesch und gezogen, // ein vromer helt zû der nôt.* (8521–23) – Он звался фон Катценэлленбоген, он был куртуазен и воспитан, благочестивый герой в нужде.

Происхождение постоянных эпитетов в СРХ также является предметом научных споров. Еще В. Браунс рассматривал эпитеты типа *balt* (храбрый), *gut* (добрый), *stoltz* (гордый) и другие в сочетании с существительными *helt* и *degen* как указание на связь с книжным эпосом [9, с. 963]. Позднее этой точки зрения придерживался А. Мюррей, подчеркивая, что преобладание в СРХ лексем *helt* и *degen* над *ritter* (рыцарь) является важным свидетельством того, что в своем лексиконе СРХ близка наиболее консервативному жанру свн. эпической поэзии – эпосу, происходящему из языческой эпохи, такому, как «Песнь о Нибелунгах» и «Кудруна» [10, с. 247]. Эту позицию критиковал, в частности М. Нееке, указывая, что лексема *ritter* (рыцарь) встречается в куртуазном эпосе очень часто, и это ни в коем случае не поэтизм, а поэтика СРХ, таким образом, не вырастает напрямую из книжного и/или устного эпоса [11, с. 97–98].

В СРХ можно выделить несколько регулярно повторяющихся моделей УС, они легко идентифицируются, поскольку обладают устойчивой синтаксической и метрической структурой.

Анализ материала показал, что, хотя сообщение о положительной или отрицательной эмоциональной реакции встречается в СРХ в несколько раз чаще, чем отдельные типы авторских

комментариев, однако в совокупности разные модели комментирующих вставных реплик – как отсылка к некоему источнику информации, так и утверждение готовности или нежелания продолжить повествование – представлены практически таким же числом примеров. Обе эти группы УС являются характерными чертами стиля СРХ. Принципиальное различие между данными двумя группами заключается в том, что сообщения об эмоциональной реакции, даже будучи самостоятельными предложениями, сюжетно связаны с основным действием. Авторские комментарии, вне зависимости от того, представляют они собой самостоятельные предложения или часть сложного, являются парентезами, вставками и не связаны с повествованием хроники. Одной из причин таких отличий может являться неодинаковое происхождение этих двух видов УС: куртуазный эпос и творчество В. фон Эшенбаха соответственно.

Украшающие эпитеты также являются постоянным, но не самым частотным и достаточно вариативным стилистическим средством с тенденцией к архаизации.

С одной стороны, УС в тексте СРХ при достаточно большой повторяемости характеризуются довольно высокой степенью вариативности в их лексическом наполнении. При этом вариативность синтаксических конструкций также присутствует: как показали примеры, в каждой модели можно найти несколько вариаций или даже отклонения от общей структуры.

С другой стороны, одни и те же УС, зачастую идентичные друг другу, не отличающиеся даже вариацией отдельных лексем, нередко расположены рядом и разделены лишь несколькими десятками строк. Это похоже на творчество неопытного или плохого сказителя, как его описывал А. Лорд: автор «перетасовывает и механически соплагает друг с другом» отдельные устойчивые элементы, «как нерушимые единицы» [21, с. 51].

Следует, однако, отметить, что многие из рассмотренных УС в СРХ используются исключительно для рифмы, чтобы заполнить строку, они не всегда и не последовательно служат, в частности, для ввода нового действия. Вероятно, в случае СРХ следует говорить о заимствовании формы УС как структурного элемента поэтического текста, но не ее сути или функции.

Заключение. Автор СРХ был знаком и с куртуазным эпосом, и с куртуазным романом и с точки зрения поэтики СРХ – сознательное подражание книжному эпосу. Ее создатель творил, опираясь на традицию, используя УС как один из структурообразующих элементов своего текста, впрочем, не всегда удачно. Проведенный анализ УС позволил сделать вывод, что в СРХ лексическая и синтаксическая вариативность внутри представленных моделей сочетается с лексической стабильностью повторяющихся близко в тексте УС.

Проанализированные модели представлены достаточным количеством примеров, чтобы считать их регулярно воспроизводимыми. Они являются одними из стилистических констант данного текста. Их изучение позволяет приблизиться к пониманию структуры СРХ и ее поэтики, а также ее места в литературе Немецкого ордена в частности и в литературе средневерхненемецкого периода в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арбузов Л. А. Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. М.: Троица, 2009.
2. Зутис Я. Я. Очерки по историографии Латвии. Ч. 1. Прибалтийско-немецкая историография. Рига: Латгосиздат, 1949.

3. Пашуто В. Т. Рифмованная хроника как источник по русской истории // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран: сб. статей к 70-летию ак. М. Н. Тихомирова. М.: Восточная литература, 1963. С. 102–108.
4. Матузова В. И., Назарова Е. Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в. – 1270 г. М.: Индрик, 2002.
5. Бегунов Ю. К., Клейненберг И. Э., Шаскольский И. П. Письменные источники о Ледовом побоище // Ледовое побоище 1242 г. Тр. комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища. М., Л.: Наука, 1966. С. 169–240.
6. Linder R. Zur älteren livländischen Reimchronik. Leipzig: Druck v. J. B. Hirschfeld, 1891.
7. Helm K., Ziesemer W. Die Literatur des Deutschen Ritterordens. Gießen: Wilhelm Schmitz, 1951.
8. Brauns W. Die Livländische Reimchronik // Die deutsche Literatur des Mittelalters. Verfasserlexikon / Hrsg. von W. Stammler. Nachträge ed. Band 5. Berlin/Leipzig: De Gruyter, 1955. P. 956–967.
9. Fischer M. "Di Himels Rote": The Idea of Christian Chivalry in the Chronicles of the Teutonic Order. Göttingen: Kümmerle Verlag, 1991.
10. Murray A. V. The Structure, Genre and Intended Audience of the Livonian Rhymed Chronicle // Crusade and Conversion on the Baltic Frontier 1150-1500 / in A. V. Murray (ed.). London: Routledge, 2001. P. 235–251. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315258805-15>.
11. Neecke M. Das 13. Jahrhundert // Krieg im Visier. Biblepik und Chronistik im Deutschen Orden als Modell korporativer Identitätsbildung / in E. Feistner, M. Neecke, G. Vollmann-Profe (ed.). Tübingen: Max Niemeyer, 2007. P. 49–105. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110944990>.
12. Arnold U. Livländische Reimchronik // Die deutsche Literatur des Mittelalters. Verfasserlexikon / Hrsg. von W. Stammler. Band 5. Berlin: De Gruyter, 2010. P. 855–862.
13. Steinmeyer E. Livländische reimchronik mit anmerkungen, namenverzeichnis und glossar hg. v. Leo Meyer // Anzeiger für deutsches Altertum und deutsche Literatur. 1876. № 2. P. 240–245.
14. Бондарко Н. А. Продуктивные модели в языке немецкой средневековой мистической традиции и проблема их структурного описания // Поэтика традиции: сб. науч. ст. / под ред. Я. В. Василькова и М. Л. Кисилиера. СПб.: Европейский дом, 2010. С. 289–333.
15. Die Livländische Reimchronik mit Anmerkungen, Namenverzeichnis und Glossar / Hrsg. von L. Meyer. Paderborn: Ferdinand Schöningh, 1973.
16. Parry M. Studies in the Epic Technique of Oral Verse-Making: I. Homer and Homeric Style // Harvard Studies in Classical Philology. 1930. Vol. 41. P. 73–147.
17. Nellmann E. Wolframs Erzähltechnik. Wiesbaden: Franz Steiner, 1973.
18. Bumke J. Wolfram von Eschenbach. Stuttgart: J. B. Metzler, 2004. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-476-05091-5_3.
19. Renoir A. Oral-Formulaic Tradition and the Affective Interpretation of Early Germanic Verse // Germania. Comparative Studies in the Old Germanic Languages and Literatures / in D. G. Calder, T. C. Christy (ed.). Wolfboro: D. S. Brewer, 1988. P. 113–126.
20. Green D. H. The Beginnings of Medieval Romance. Fact and Fiction, 1150-1220. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511485787>.
21. Лорд А. Б. Сказитель / пер. с англ. Ю. А. Клейнера и Г. А. Левинтона. М.: Восточная литература, 1994.

Информация об авторе.

Тихонова Елена Сергеевна – кандидат филологических наук (2009), доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор более 30 научных публикаций. Сфера научных интересов: история немецкого языка, историческая прагматика, исторический синтаксис, немецкая диалектология. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8301-1028>. E-mail: middjungards@gmail.com

REFERENCES

1. Arbuzov, L.A. (2009), *Ocherk istorii Lifyandii, Estlyandii i Kurlyandii* [Essay on the history of Livonia, Estonia and Courland], Troitsa, Moscow, RUS.
2. Zutis, Ya.Ya. (1949), *Essays on the historiography of Latvia. Part 1. Baltic-German historiography* [Ocherki po istoriografii Latvii. Chast' 1. Pribaltiisko-nemetskaya istoriografiya], Latgosizdat, Riga, Latvia.
3. Pashuto, V.T. (1963), "Rhymed Chronicle as a Source on Russian History", *Problemy obshchestvenno-politicheskoi istorii Rossii i slavyanskikh stran. Sbornik statei k 70-letiyu akademika M. N. Tikhomirova* [Problems of the socio-political history of Russia and the Slavic countries. Collection of articles dedicated to the 70th anniversary of Academician M. N. Tikhomirov], Vostochnaya literature, Moscow, USSR, pp. 102–108.
4. Matuzova, V.I. and Nazarova, E.L. (2002), *Krestonostsy i Rus'. Konets XII v. – 1270 g.* [Crusaders and Rus'. From the Late XIIth Century to 1270], Indrik, Moscow, RUS.
5. Begunov, Yu.K., Kleinenberg, I.E. and Shaskol'skii, I.P. (1966), "Written Sources about the Battle on the Ice", *Ledovoe poboishche 1242 g. Trudy kompleksnoi ekspeditsii po utochneniyu mesta Ledovogo poboishcha* [Battle on the Ice in 1242. Proceedings of a complex expedition to clarify the location of the Battle on the Ice], Nauka, Moscow, Leningrad, USSR, S. 169–240.
6. Linder, R. (1891), *Zur älteren livländischen Reimchronik*, Druck v. J.B. Hirschfeld, Leipzig, DEU.
7. Helm, K., Zieseimer, W. (1951), *Die Literatur des Deutschen Ritterordens*, Wilhelm Schmitz, Gießen, DEU.
8. Brauns, W. (1955), "Die Livländische Reimchronik", *Die deutsche Literatur des Mittelalters. Verfasserlexikon*, Hrsg. von Stammler, W., Nachträge ed., band 5, De Gruyter, Berlin, Leipzig, DEU, S. 956–967.
9. Fischer, M. (1991), *"Di Himels Rote": The Idea of Christian Chivalry in the Chronicles of the Teutonic Order*, Kümmerle Verlag, Göppingen, DEU.
10. Murray, A.V. (2001), "The Structure, Genre and Intended Audience of the Livonian Rhymed Chronicle", *Crusade and Conversion on the Baltic Frontier 1150-1500*, in Murray, A. V. (ed.), Routledge, London, UK, pp. 235–251. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315258805-15>.
11. Neecke, M. (2007), "Das 13. Jahrhundert", *Krieg im Visier. Bibelepik und Chronistik im Deutschen Orden als Modell korporativer Identitätsbildung*, in Feistner, E., Neecke, M. and Vollmann-Profe, G. (ed.), Max Niemeyer, Tübingen, DEU, S. 49–105. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110944990>.
12. Arnold, U. (2010), "Livländische Reimchronik", *Die deutsche Literatur des Mittelalters. Verfasserlexikon*, Hrsg. von Stammler, W., band 5, De Gruyter, Berlin, DEU, S. 855–862.
13. Steinmeyer, E. (1876), "Livländische reimchronik mit anmerkungen, namenverzeichnis und glossar hg. v. Leo Meyer", *Anzeiger für deutsches Altertum und deutsche Literatur*, nr. 2, S. 240–245.
14. Bondarko, N.A. (2010), "Productive models in the language of the German medieval mystical tradition and the problem of their structural description", *Poetika traditsii* [Poetics of Tradition], in Vasil'kov, Ya.V. and Kisilier, M.L. (ed.), Evropeiskii dom, SPb., RUS, pp. 289–333.
15. Meyer, L. (1973), *Die Livländische Reimchronik mit Anmerkungen, Namenverzeichnis und Glossar*, Ferdinand Schöningh, Paderborn, DEU.
16. Parry, M. (1930), "Studies in the Epic Technique of Oral Verse-Making: I. Homer and Homeric Style", *Harvard Studies in Classical Philology*, vol. 41, pp. 73–147.
17. Nellmann, E. (1973), *Wolframs Erzähltechnik*, Franz Steiner, Wiesbaden, DEU.
18. Bumke, J. (2004), *Wolfram von Eschenbach*, J. B. Metzler, Stuttgart, DEU. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-476-05091-5_3.
19. Renoir, A. (1988), "Oral-Formulaic Tradition and the Affective Interpretation of Early Germanic Verse", *Germania. Comparative Studies in the Old Germanic Languages and Literatures*, in Calder, D. G. and Christy, T. C. (ed.), D. S. Brewer, Wolfboro, GER, pp. 113–126.

20. Green, D.H. (2002), *The Beginnings of Medieval Romance. Fact and Fiction, 1150-1220*, Cambridge University Press, Cambridge, UK. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511485787>.

21. Lord, A.B. (1994), *The Singer of Tales*, Transl. by Kleiner, Yu.A. and Levinton, G.A., Vostochnaya literatura, Moscow, RUS.

Information about the author.

Elena S. Tikhonova – Can. Sci. (Philology) (2009), Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of more than 30 scientific publications. Area of expertise: history of German language, historical pragmatics, historical syntax, German dialectology. ORCID <https://orcid.org/0000-0001-8301-1028>. E-mail: middjungards@gmail.com